

Эдуард АНАШКИН

К 80-летию со дня рождения Валентина Распутина

ЖИТЬ И ПОМНИТЬ

15 марта нынешнего года Валентину Григорьевичу Распутину исполнилось бы 80 лет, но судьба распорядилась так, что день рождения и день памяти классика стали одной датой. И в этом ещё одно подтверждение мистики судьбы Распутина, невольно наводящее на глубокие раздумья.

По долгому размышлению я решил опубликовать отрывок из своей будущей книги «Валентин Распутин. Жизнь и творчество. Наши встречи за 50 лет». Над книгой я ещё работаю, торопиться в таком деле нельзя, но, думаю, мне, нынешняя юбилейная дата — весомый повод представить читателям этот материал

Казалось, только вчера имел я счастье встречаться и беседовать с Валентином Григорьевичем! И по прошествии нескольких лет никак не могу поверить, что его нет среди нас. То, что мне его очень не хватает — встреч с ним, разговоров, писем, просто дружеского общения — полбеды, Распутин очень не хватало России на её непростых исторических путях.

Как утешение, достаю и перечитываю его письма ко мне, просматриваю дневниковые записи и словно въяве слышу его голос, вижу его внимательный, доброжелательный взгляд.

* * *

В пору, когда Валентин Григорьевич работал над повестью «Мать Ивана, дочь Ивана», нам как-то довелось с ним неспешно прогуляться по парку в Доме творчества Перedelкино. Остановились около пруда. Погода была прекрасная — лёгкий морозец, ни ветерка.

— Эдуард, — обратился ко мне Распутин. — Я заметил, что ты, когда приезжаешь в Перedelкино, обустриваешься в старом двухэтажном корпусе. Но ведь там нет условий! Может, тебе не хватает денег снять номер в новом корпусе? Так я помогу!

От такого предложения я немного растерялся, но ответил, как есть:

— Видите ли, Валентин Григорьевич, в старом корпусе даже стены пропитаны и намолены присутствием в них великих писателей... Они здесь жили, общались, работали над своими знаменитыми произведениями, подходили к телефону около дежурного и вели разговоры с родными, издательствами, редакторами. А в новом корпусе, признаюсь, хоть и условия хороши, да вот того писательского духа нет, который бы подзаряжал творческой энергией. Не пропах ещё новый корпус писательским духом!

Валентин Григорьевич задумчиво улыбнулся:

— А ты, наверное, прав... Вот ты сказал про великих писателей прошлого, а я вспомнил Читку и давний-предавний семинар молодых писателей Сибири и Дальнего Востока, где мы с тобой познакомились. Там тоже было немало выдающихся писателей...

Наши с Распутиным добрые отношения, собственно, имеют своим истоком ту нашу первую встречу в Чите, что состоялась уже более полувека назад. С тех пор каждое его письмо, каждый личный и телефонный разговор с Валентином Григорьевичем становились событием в моей жизни, о котором я долго помнил. Порой некоторые писатели, зная нашу с Распутиным дружбу, косились, мол, Анашкин, видимо, Распутину надоедает, пытаюсь через него просочиться на страницы журналов. Честно скажу, мне и в голову никогда не приходило просить Валентина Григорьевича

помочь напечататься. Не хотелось тратить драгоценное время, отпущенное на общение с ним, на такие житейские вопросы.

Но однажды вышло самой собой. Пересеклись мы как-то в правлении Союза писателей России на Комсомольском проспекте. Поздоровались, пожаловали друг другу руки. «Как дела? — спросил Распутин и вдруг поинтересовался: — А где новая рукопись? С собой?»

Рукопись у меня была с собой. Кто из нас, писателей-провинциалов, приезжая в столицу и приходя в главное писательское правление, не берёт с собой одно из последних произведений в надежде, что вдруг да случится познакомиться с редактором издания, которому как раз в это самое время ты позарез нужен со своей «нетленной»? И я протянул Распутину папку.

— Посмотрю, скажу своё мнение, — ответил Распутин и начал спускаться по лестнице на первый этаж, на ходу добавив: — Будет время и желание, приходи ко мне домой. Всегда рад встрече. Надеюсь, найдёшь, не заблудишься.

Заблудиться я не побоялся, а вот опасение показаться навязчивым сказало. К нему домой пойти не осмелился.

Возвратился на родину. А через несколько дней — звонок: «Ты почему не пришёл ко мне? Я разыскивал тебя в Перedelкино, сказали, что уехал. Я к твоей новой книге написал короткое предисловие. Когда получишь письмо, позвони, если с чем-то не согласен. Светлане Ивановне очень понравились твои рассказы, она даже плакала». Услышав об этом, я обрадовался.

Памятно мне письмо Валентина Григорьевича от 28 ноября 2001 года, где он пишет: «Вполне может быть, что моё суждение о рукописи Вам не понравится. В таком случае откажитесь от него, а с моей стороны никаких обид быть не может. Повредить Вашей книге было бы для меня неприятно...» Подумалось, что, наверное, не со мной одним как с автором, он поступал, словно врач, главная заповедь которого «Не навреди...»

Каждое его письмо становилось для меня событием. До чего обаятельны были распутинские письма — добрые и самоироничные, кратко талантливые, но при этом такие ёмкие по смыслу: «Я в своём духе, т.е. умею надолго пропадать. Наконец, недостающие строчки для начала предисловия отправляю. Что выбрасывается, пометил. Удач Вам! В.Распутин». И вот

на излёте 2002 года Самарское отделение Литературного фонда России выпустило мою книгу «Запрягу судьбу я в санки» с предисловием Валентина Григорьевича, которое называлось «На добро — добром!». Привожу его полностью вовсе не из авторской гордыни, а затем, что в этих строчках живёт взгляд нашего классика на непростую жизнь народа, из гущи которого он никуда не выходил, и потому стал любимым этим народом. А я что? Я лишь один из представителей русского народа, которому повезло познакомиться и общаться с Распутиным. Вот что он написал:

«В этой книге всё, казалось бы, просто и нарочно обыденно. Простые люди, простые характеры и жизнь как жизнь, без стремительных и оглушительных подъёмов и падений. И пишет автор просто и душевно и незатейливо, обыденно, но и бережно, как-то по-отцовски вникая в каждую предложенную судьбу. И герои его не врываюся в читательский мир, а входят с осторожностью, как и полагаются гостям, и уж после неторопливого общения появляется к ним дружеское расположение. В литературе, кроме техники письма и степени доверия к героям, есть ещё одна составляющая, от которой ничуть не меньше зависит конечный результат. Техника может быть безупречной, события могут происходить как наяву, в самой естественной, не вызывающей подозрений форме, но у читателя тем не менее доверия к происходящему не будет. Он станет наблюдать за ними как бы со стороны, не решаясь войти внутрь и отдаться сопереживанию, потому что книга, в которую его приглашают, по профессиональным качествам копирующая высоко, написана холодным сердцем. В ней нет ни тела, ни уюта, ни дружеского расположения, там по душам не поговоришь, и душу свою не полюбишь.

Эта книга написана бывшим детдомовцем, и вся она — от начала до конца — посвящена им же. Надо ли говорить, что это особое психическое склад люди, униженным своим сиротством и оскорблённые той жестокой действительностью, которая с каждым годом всё беспощадней продолжает плодить сиротство. Спасить их может только совокупное добро, получаемое от государства, от воспитателей и учителей, от окружающих и от таких же, как они, покинувших детдомовские стены прежде. Не воз гуманитарной помощи со сникерсами и кока-колой, доставленной из Америки или Европы, не компьютер, привезённый богатым дядей, который купил и огородил забором пустошь за холмом, где детдомовцы собирали грибы для общего стола, не покаты со сладостями, выпадающими раз в год, и не бесплатный Дед Мороз к Новому году помогут им смягчить боль своей раненой души. А повсеместное и сознательное наше родительство, не скупающееся на ласковое слово и поощрительный взгляд, деликатная поддержка, целостное внимание, охранение от зла. По отношению к ним не должно быть чужих и посторонних. Все мы вольно или невольно виноваты в их сиротстве.

В этой книге из всех литературных достоинств есть самое главное — она удивитель-

но добра. Добра, в некоторых случаях может показаться даже чересчур, добро неестественно, неоправданно, несовместимо с тем, во что сегодня превратилась Россия и во что превратился в ней человек. Но вот вопрос: разве может быть где-то, в том числе и в литературе излишнее добро? И как это — много? Разве мы уже, как у Достоевского в рассказе «Сон смешного человека», всё зло преодолели и погрузились в сияющую, как солнце, нравственную гармонию? Напротив, мы погрязли в зле, у нас огромная, бесперебойно работающая идеологическая система, вырабатывающая зло. И за всякий лучик добра мы хватаемся, как за спасение.

А вот герои книги Эдуарда Анашкина живут добром так же естественно, как все мы дышим воздухом, — и никаких! "А всё-таки она вертится!" — сказано было одним упрямым от нашей планеты, считавшейся в его пору центром Вселенной. "А всё-таки добра больше!" — с тем же упрямством уверяет автор этой книги. И что бы вокруг него ни говорили, какие бы ни вели подсчёты, а он прав. Без любви к человеку и без веры в него жизнь теряет всякий смысл. Поверим же ему. В любой области человеческой деятельности, если она терпит крушение, начинать следует с азов. И всюду эти азы — одно: любовь и вера. Валентин РАСПУТИН».

* * *

Конечно, сразу же после выхода тиража я отправил одну из книг с дарственной подписью Распутину. Видимо, с его лёгкой руки моя книга пошла по России. Иначе, как же она попала к главному редактору журнала «Уроки литературы» Надежде Леонидовне Крупиной? Однажды получаю бандероль, в которой несколько номеров журнала «Уроки литературы». Начал перелистывать странички и обомлел: мой рассказ «Вовкин поцелуй» журнал «Уроки литературы» не только опубликовал, но по этому рассказу, оказывается, во многих школах России прошли уроки. Позже многие рассказы из сборника «Запрягу судьбу я в санки», крестным отцом которого стал Валентин Григорьевич, были напечатаны и в других столичных журналах: «К единству!», «Россия молодая», «Наша улица». А редактор газеты Союза писателей России Николай Дорошенко опубликовал все рассказы в нескольких номерах «Российского писателя».

* * *

Валентин Григорьевич был настоящим русским интеллигентом. За все годы нашей дружбы я не слышал от него ни одного скверного слова. Помнится, однажды после ужина в Перedelкино я провозжал Распутину до нового корпуса. О чём-то разговорились и я, возмущённый несправедливостью по отношению ко мне, загнули по-русски. Валентин Григорьевич вдруг резко остановился, поднял голову, и я увидел его глаза, испытующе глядящие на меня:

— Эдуард, никогда не пачкай душу об эти слова. У нас такой богатый язык. Следди за своей речью. Не забывай, что ты писатель!